

Сравнивая три текста, Л. Милетич не нашел между ними существенной разницы и сделал вывод: «По-видимому, все три текста восходят к одному первоисточнику, и небольшие стилистические и языковые различия, так же как и некоторые пропущенные места и дополнительные фразы, обязаны своим переписчикам».¹⁹ Милетич издал Штипский текст. Не зная русского издания 1713 г., он сравнил его с изданием Леонида²⁰ и пришел к заключению, что болгарский текст является свободным переводом русской Хронографической повести. Возникновение болгарского перевода «Повести о взятии Царьграда» в истории болгарской литературы объясняют, между прочим, огромным интересом, который вызывало у поработанных балканских народов занятие турками Царьграда. Это им говорило об иллюзорности их надежд на скорое уничтожение мощи турецких завоевателей, а с другой стороны, увеличивалась их ненависть к поработителям. Считается, что повесть усиливала антитурецкие тенденции, появившиеся в болгарской литературе в XV и XVI вв.²¹ Взгляд этот, однако, следует в наше время пересмотреть; надо искать новое освещение роли, которую повесть играла в жизни болгарского народа и в развитии болгарской литературы. Мы не знаем, ограничивалось ли распространение повести только тремя известными списками и можно ли предполагать более раннее проникновение ее до печатного издания 1713 г. Но в настоящее время мы должны оперировать известными и установленными фактами и на их основе делать выводы.

Болгарский перевод повести распространился в XVIII и в начале XIX в. в отдельной рукописи как самостоятельное произведение и в двух «Дамаскинах», где он был помещен среди других произведений. Очевидно, что главной причиной перевода повести уже не мог быть интерес к захвату турками Царьграда. Хотя падение Царьграда и было событием огромного исторического значения, оно утратило свою актуальность, сгладилось в народной памяти, так как прошло уже два века. Интерес к этому произведению следует искать преимущественно в очень ясно выраженных антитурецких настроениях в повести. В XVIII в. турецкая империя явно клонилась к упадку, в недрах турецкого феодализма возникали новые общественно-экономические отношения; в ту же эпоху закладывались основы болгарского национального возрождения. Повесть возбуждала ненависть к поработителям, будила патриотические чувства у читателей. Правда, автор повести отмечает решительность и целеустремленность турок, но он описывает, какие громадные жертвы понесли турки, называет Мохамеда «звероподобным», «этим хитрым волком», молитвы турок — «погаными», турецкое войско уподобляет «диким зверям» и т. д. В описании есть много драматических эпизодов, воспроизводится ряд трагических сцен, изображены многочисленные упорные сражения, особенно подчеркивается упорство защитников и их твердое стремление любой ценой отбить турецкое нападение. Симпатии автора явно на стороне греков. Греческого императора Константина он изображает как смелого борца и опытного военачальника, который все время обходит город, лично участвует в сражениях и проявляет замечательную храбрость, отказывается покинуть поле битвы и искать спасения. Вот одна из сцен, которая не могла без волнения восприниматься болгарскими читателями: «Достигна царят сас

¹⁹ Л. Милетич. Повест за падането на Царьград в 1453 г. — Сборник за народни умотворения, XII. София, 1895, стр. 403.

²⁰ Архив. Леонид. Повесть о Царьграде (его основании и взятии турками в 1453 году) Нестора Искандера XV века. — ПДП. СПб., 1886.

²¹ См.: П. Диневков. Стара българска литература, т. II. София, 1935, стр. 138—141.